

Светлана Востокова

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

Простая дудочка у неумелых губ –
и звуку на одной высокой ноте биться.
В тумане влажном тень на берегу,
взверошенная, вроде птицы.

Вот дунула – как тонок долгий звук,
как он дрожит, пространство заполняя,
его, как облако, на части ветры рвут
и плачу детскому уподобляют.

В такую ночь едва ль возможна встреча,
свободный путь тяжёл и бесконечен,
бьёт по коленям мокрый плащ.

И моря шум невнятен и враждебен,
смешалось всё: звук дудки, ветер, плач.
И нет звезды спасительной на небе.

+ + +

С веточкой зелёной, босиком,
Задыхаясь, улыбаясь, плача,
Пробегаешь по песку горячему,
Замедляя шаг, стыдясь, тайком,
Мимо той, у опустевшей дачи,
Что стоит с неузнанным лицом,
В мрамор платья мрамор тела пряча,
К солнцу обратив глаза незрячие,

Так давно перешагнувшей грань,
Что ей стыд твой, радостный и жаркий,
Что живых одежд твоих игра –
Словно дым прозрачного костра
Через кружевые тени парка.

+ + +

Что за весна, прозрачная и злая!
В печальные глаза глядеть нет сил.
На городском краю гуляем,
Костры дымят и дождик моросит.

У берега шуршат остатки льда,
Но выцветший песок напоминает
О лете. Тяжело колышется вода
И прошлогодний мусор догнивает.

Томительной печали протяжённость,
Как горький дым окутывает нас.
Высоко в небесах проносится весна,
И блеск, и свет её в заливе отражённый.
Перебегает по волнам.

+ + +

Э.Н.

Городской декорации жалок печальный обман,
Чтоб прорехи прикрыть, пресловутый напустили туман.

Заводная зловещая птица по пыльному небу скользит,
Тень, качаясь, ложится на стареющих карнатид.

Тихий ветер колышет картонные стены дворцов,
Паутину сдувает, качает разбитый фонарь над крыльцом.

Вздохи, скрипы и шорох, плеск воды у причалов пустых,
Театральный измятый билетик, залетевший в жестяные кусты.

Затхлый запах холодный кулис, запустенье, сквозняк,
Смех чуть слышный и за спиной возникающий шаг,

Лёгкий шопот тревожный - о чём? - у больного виска
Слабый шопот невнятный беспомощного голоска.

Вот коснулась горячей щеки расплющенная детская прядь,
И опять никого, лишь шаги в подворотне опять.

На Неве проопливает беззвучно, как в театре теней, буксир.
Но подобие праздничной жизни почему-то имеет сей мир,

Как в рождественском ёлочном домике розовый свет,
За окном следянным, где хозяина нет.

+ + +

Памяти Т.К.

I

Всё громче, громче жестяной скребок
Стучит о ледяное дно двора,
Но по ночному всё ещё глубок
Ноябрьского неба лоскуток –
День новый или всё ещё вчера?

Озябшая, не плачешь на рассвете?
Так буднична и деловита смерть,
Сквозь бытия прозрачные приметы
Дыханье детское – единственная твердь,

Дыханье детское, мершавое сукно,
Последнее тепло, последняя усталость...
Ты вырвалась. Распахнуто окно,
И воздуха тугое полотно
Внезапно разорвалось.

2

Как иначе дом твой пуст,
Как метроном – тоска,
И под ногами хруст
Извёстки и песка.

А за окном пустырь —
Жестянки, щебень, сор,
Колючие кусты,
Некрашеный забор.

И ненадежен вид
Дощатых стен в щелях,
От ветра дверь стучит,
Сквозняк взметает пух.

И плоть твоя легка,
Колеблется, течёт.
Что это за плечом?
Крыло иль облака?

Шевелит ветер прядь
Волос над мёртвым лбом.
В безмолвии пустом
Ты слышишь детский плач?

+ + +

ОДИССЕЙ ВОЗВРАТИВШИЙСЯ

В высокое окно он видит море.
Там движется корабль, там блещут паруса.
И вот он снова в ветреном просторе,
Осталась позади прибоя полоса.

В ушах не умолкает ветра вой
И плеск воды, и вот морская пена
Летит, клубясь, и юные сирены
Запели гимн своей неземной.

Звенящие несутся голоса
Всё выше, чище, нестерпимей,

И ветер бьётся в рыхких волосах,
И крылья плещут в небе синем.

Недвижный взгляд серёзных глаз,
Бесстрастны лица, строгие, девичьи,
В них был не женской прелести соблазн,
А безмятежность, отрешённость птичья.

Как он кричал, как бился, как молил,
Привязанный к скрипящей маечке,
Как, обессиленный, он в забытьи застыл,
Как пережил восторг щемящий.

Теперь так смутно дни его текут
И даже в снах томят воспоминанья.
Все дни его - лишь ожиданье
Тех незаслуженных минут,

Когда сквозь шум докучных голосов
Прорвётся вдруг мучительное пенье.
Закрыть глаза - и тёмное теченье
Подхватит, понесёт и вновь
Свист ветра, шорох крыл, поющих ртов
Провалы... Головокруженье.

+ + +

Вот ангел с белой лиллой
спускается, как парашют, с небес,
изанкой крыльев розовел,
от солнца, заходящего за лес.

Высоко подобрав рубашку
и крылья за спиной сложив,
он, спотыкаясь о межи,
сурепку топчет и ромашку.

Он рвётся птицей в сияниях,
запутавшись в траве высокой,
терзая ноги об осоку,
лилеею в потных мнёт руках.

Куда он залетел, куда?
Где тропочка, где домик скромный?
Где плотника несчастная жена?
Пред ними простор безлюдный и огромный.

Уж падает холодная роса,
и лес нездешностью своей пугает,
туман повис, и очертанья тают,
и скорбные дрожат над лесом голоса.

Здесь некому узнать благую весть,
и так печальна местность, так пустынина,
что сердце ангельское стынет,
не в силах бесприютность перенесть.

Назад, скорей назад!
Раскрылись крылья с треском,
и ринулся в разрывы туч над лесом.
А ночь Божия гроза.

БАРОККО

И не были пустыми небеса:
Там плыли, падали, летели,
Махали крыльями, на облаках сидели,
Горе подъемля томные глаза.

В негнущихся одеждах, босиком,
В коронах и венках, с торжественностью пышной,
В стремлении туда, где восседал Всевышний
С условным, но значительным лицом,

Откуда света устремлялся ток,
Отбрасывая тень в парчовых складках,
Пронзая облака у мощных ног,
И голубь, словно сорванный листок,
Раскинув крылья, падал без оглядки.

Святые, ангелы, апостолы и дети
Сливали голоса, глотая ветер,
Который рвал слова, одежду, облака
И радостные слёзы высекал.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ СХХХІ ПСАЛМА

О, если я тебя, Ерусалим,
Забуду, пусть рука моя отсохнет,
Язык в гортани станет недвижим,
И сын мой, как бездомный пёс, издохнет.

Если забуду, если, утомясь,
Возвеселье на реках Вавилоне,
Пусть никогда, ликуя и гордясь,
Я не узрю родных высот Сиона.

Сыны Едома! Вам Господь воздаст
Сторицей за то, что в день печали,
Не насыщая злых рук и глаз,
Ерусалим вы разрушали.

Дочь Вавилона! Будет тот блажен,
В ком не погаснет ненависти пламень,
Кто, жалости не отдаваясь в плен,
Твоих младенцев разобьёт о камень.

+ + +

И вот последняя немая роль -
Над меленьким заброшенным бассейном
Стоять неузнанной или забытой всеми -
Слепящий блеск воды и головная боль.

Мельканье пронзительных стрекоз.
Как жгучих лезвий, крылышек касанье.
Венок из гипсовых недвижных пыльных роз
И сердце тяжкого дрожанье.

* * *